

И однажды вечером за привычной обильной выпивкой я сказал своим собутыльникам, что завтра рано утром уезжаю от них. Сильнее всего на это отреагировал Шевчук. Он прямо заплакал: «Старик, я тоже хочу туда. Ты же понимаешь почему». Я понимал. Но я также понимал, что ему туда нельзя. У каждого свое ремесло. На прощанье Юра обнял меня: «Храни тебя Бог».

Закавыка заключалась в том, что, по общему мнению, попасть в Косово было ну никак невозможно. Во-первых, такие поездки не разрешал пресс-центр при Министерстве обороны, который пас всю иную прессу. Во-вторых, поезда в Приштину не ходили, потому что к тому времени натовцы уже разбомбили все железнодорожные мосты. В-третьих, даже если бы кто-то арендовал машину, то военные патрули все равно не пустили бы в Косово иностранца. Так говорили знающие люди из местных. Да и машину попробуй арендуй – никто из водителей не едет туда ни за какие деньги. Страшно.

Но я уже имел кое-какой опыт для подобных ситуаций. Знал, что на войне к цели часто ведут самые примитивные пути. Спозаранку я пришел на автовокзал, купил билет, сел в рейсовый автобус и спустя девять часов без особых приключений оказался в Приштине. Пару раз нас действительно останавливали патрули, но мой российский паспорт не производил на солдат ни малейшего впечатления.

Высадив пассажиров на автовокзале, водитель автобуса как-то сразу резко развернулся и умчал обратно.

Главный город края Косово напоминал сцены из фильмов ужаса. Я брел в поисках гостиницы по абсолютно пустым улицам, усыпанным битым стеклом и мусором. Редкие прохожие бросали на меня взгляды, в которых были удивление, недоверие и страх. Многие имели при себе оружие. Ни один магазин не работал. Ветер гнал в лицо пыльные смерчи. Да, это был город мертвых.

Но окончательно я понял, что попал, только тогда, когда вошел в гостиницу, которая называлась, конечно, «Гранд-отель». В любом заштатном городке обязательно есть свой «Гранд-отель». Пришттина не была исключением. В просторном лобби дремали громилы в черном – я уже знал, что так выряжаются спецназовцы Милошевича, – а за стойкой скучал человек по имени Радован, отрекомендовавшийся мне руководителем медиацентра.

– Какая нелегкая вас принесла? – не очень любезно спросил он. – Я не могу вам помочь. Телефон не работает. Воды и электричества нет. Бензина нет. И вообще, в этом отеле оставаться опасно. Рядом находится военный штаб, и американцы его обязательно будут бомбить. Возможно, уже сегодня ночью.

– А другой отель есть?

– Другого нет.

– Как же быть?

– Не знаю, – равнодушно пожал плечами Радован и сделал попытку уйти.

– А уехать отсюда можно? – Я бросился вслед за ним.

– Сегодня уже нет, – хладнокровно добивал меня Радован. – Следующий автобус будет только завтра. Может быть...

Портье, протянув мне ключ от номера, сказал, что ночь в «Гранд-отеле» стоит шестьдесят долларов.

– Воды и электричества нет, телефон не работает, а ночевать вы рекомендуете в подвале. За что же такие деньги?

Он равнодушно пожал плечами:

– Не хочешь – не бери.

Поднявшись на четвертый этаж, я выглянул в окно – так и есть: моя комната оказалась прямо напротив этого чертова штаба сербов. Вот он – ошетинился антеннами метрах в тридцати от отеля. Даже если американская бомба угодит прямо в этот штаб, меня похоронят осколки окон и штукатурка. Но что делать? Уже смеркалось. Поздно покидать и это хилое прибежище.

Я вышел из отеля и пошел налево по улице. Через пять минут наткнулся на дымящиеся развалины, которые вчера были почтой, банком и жилыми домами. Кое-где еще пробивалось пламя и стоял жуткий смрад – этот тошнотворный запах бывает всегда, когда бомбы в куски разносят людей. Беда везде пахнет одинаково – что в Афганистане, что в Югославии... Одиноким старик ковырял палкой пепел и обломки. «Двоих убило на почте, – поднял он на меня слезящиеся глаза. – И вот тут жила семья, которая не успела уехать – трое взрослых и двое детей. Перепутали, – старик показал на небо. – Наверное, хотели разбомбить штаб, а попали сюда».

По дороге обратно я спрашивал редких прохожих, где можно купить фонарь или свечи. Не улыбалось сидеть всю ночь в крошечной тьме. «Нигде», – пугливо отвечали прохожие и торопливо отводили взгляд. Я обратил внимание на то, что в этом городе никто не смотрит тебе в глаза.

Мое настроение становилось все хуже. Ни одного знакомого человека. Ни поговорить, ни посоветоваться, ни спрятаться.

Я понял, что ловушка захлопнулась.

Когда стемнело, весь город погрузился в ожидание смерти. Даже собаки перестали лаять. Тот, кто мог, спустился в подвалы, оборудованные под бомбоубежища. Кто не мог, тот покорно ожидал рассвета в своем жилище. Только рассвет мог принести иллюзию избавления.

Это была самая плохая ночь в моей жизни.

В какой-то момент я дрогнул и тоже поплелся в подвал, где ждали утра постояльцы отеля и окрестные жители. С трудом нашел там место, где можно было лечь. В подвале горели фонари и тускло мерцали свечи: люди молча укладывались на пол, вид у них был такой, будто они уже смирились со своей гибелью. Кто-то тихо молился, кто-то плакал.

Не знаю, сколько я спал. Только проснувшись от внезапного ужаса посреди черной тьмы, я понял, что больше ни минуты не смогу находиться в этом подвале. Лучше умереть там наверху, чем томиться здесь.

Я нащупал в кармане зажигалку – этот единственный источник света, который у меня был. Чиркнул. И ринулся к выходу, то и дело натываясь на спящих людей. Я пробирался к заветной двери, осыпаясь бранью, синий огонек зажигалки едва-едва раздвигал тьму, скорее, скорее... Выбравшись наружу, я почти на ощупь, интуитивно нашел лестничный марш, поднялся к себе на четвертый этаж, и, поблуждав еще немного, достиг заветной двери. Я отпер замок, вошел в номер и сразу распахнул окно. Свежий прохладный ветер апрельской ночи обдал меня. На небе мерцали звезды. Было тихо. Ни единого огонька. Ни единого звука.

Будь что будет. Я уже никуда не уйду сегодня отсюда. Будь что будет. Я сделал приличный глоток виски из своей походной фляжки и, не раздеваясь, лег на постель. Да пропади они все пропадом – со своими бомбами и ракетами. Я не стану больше, как крыса, прятаться по подвалам. Будь что будет.

Помню, как, с тоской ожидая рассвета, я думал, что это напоминает генеральную репетицию грядущего апокалипсиса.

...Четыре года спустя я вновь приехал в Косово. И опять остановился в «Гранд-отеле», и даже в том самом номере, где был в апреле 1999-го. Теперь город было не узнать: полно ресторанов, магазинов, машин. Все цветет и пахнет.

Но только на всю столицу теперь не было ни одного серба. Ни одного! Православные монастыри сожгли, сербов изгнали. Так с помощью «мирового сообщества» один народ решил свои проблемы за счет другого народа.

...Вернувшись после той первой командировки в Москву, я первое время очень боялся нечаянной встречи с каким-нибудь американцем.

Я бы полез на него с кулаками, это точно. Бить!

Даже музей – типичное заведение наших дней со стандартными витринами, фотографиями и надписями на чешском, немецком, английском языках – не оставлял в душе глубокого следа.

Но меня не покидала надежда найти нечто такое, что помогло бы проникнуть в тайну этого места.

Однажды пришел в Магдебургские казармы. Там в одной из комнат без конца крутили черно-белый документальный фильм «Фюрер дарит евреям город».

Вот где я встал как вкопанный, не в силах сдвинуться с места. Никогда я не видел такого завораживающего кино. Это было кино, снятое явно талантливыми людьми, мастерами своего дела. Каждый кадр выстроен безупречно. Свет, звук, монтаж – все в этом фильме высочайшего качества. Но самым поразительным оказалось содержание ленты: на экране показывалась жизнь самого счастливого города на земле. Дети, взрослые, старики – все до единого излучают радость, они прекрасно одеты, выглядят сытыми и благополучными. Школьники поют на сцене, молодые люди азартно гоняют футбольный матч, девушки, смеясь, работают в поле, пожилые играют в шахматы и слушают классическую музыку. Вечером на главной площади звучат вальсы, все танцуют на фоне цветущих роз. Любой человек, посмотревший фильм, захотел бы немедленно стать жителем этого райского места.

Но только местом этим был Терезиенштадт, еврейское гетто, откуда еженедельно отправлялись транспорты в лагерь смерти.

Созданное в конце 1941-го гетто существовало как грандиозная «потемкинская деревня», как один из самых успешных (если это слово употребимо здесь) проектов геббельсовской пропаганды.

И я стал разбираться с этим. Прочел книги, вышедшие в Израиле, Штатах, Великобритании, у нас в России. Разговаривал с сотрудниками музеев. Списался с историками. В итоге родилась статья для газеты, возможно, лучшая из всех, которые я написал.

Я написал о том, как летом 1944 года Терезин навестила комиссия Международного Красного Креста и как фашистам удалось втереть очки этой комиссии. Она не заметила там никаких признаков геноцида, а, напротив, отметила в своем заключении, что город является образцовым еврейским поселением. «санаторием для привилегированных евреев».

Затем, чуть позже, руководство рейха приняло решение снять в гетто пропагандистский фильм. А что? Нужные декорации уже есть: клумбы с розами, беседка с оркестром, герань на окнах. В качестве режиссера комендант лагеря оберштурмбаннфюрер Рам предложил узника Курта Геррона.

Геррон – известный в кругах европейского искусства человек, поставивший прежде много фильмов и спектаклей, обладавший талантами музыканта, актера, режиссера. Кому же еще делать кино, как не ему?

Источавший энергию, переполненный творческими планами, Курт Геррон, даже оказавшись в гетто, не унывал, говорил, что обязательно снимет такой фильм, который сделает его знаменитым на весь мир.

Ирония судьбы: злодей эсэсовец Рам теперь выступил в роли продюсера, а еврей Геррон – в роли режиссера. И он исполнил-таки свою мечту: об их совместном фильме после окончания Второй мировой войны заговорил весь мир.

Режиссер сам проводил репетиции с главными героями и массовой, сам ставил свет, организовывал кадр, монтировал и подбирал музыку. Самым трудным для него было убрать с лиц печать ужаса. Справлялся.

Иногда, отодвинув в сторону оператора, чеха, специально выписанного из Праги, он сам смотрел в глазок камеры: верно ли выстроен кадр?

Он работал так увлеченно, словно это были студии Голливуда, а не казармы лагеря смерти.

Может быть, Геррон забыл в те дни, кто он, кто все эти люди в кадре и кто эти люди в черных мундирах. Он делал свой лучший фильм.

Невероятные вещи происходили. Сами нацисты велели организовать в гетто оркестр, игравший запрещенные в Германии свинги и джаз. Евреям и это дозволено! Снимай, Геррон.

Композитор Краса и его юные исполнители, дети гетто, вышли на сцену, опера «Брундибар», торжество добра над злом. «Кто любит справедливость, остается верен ей и не боится, тот нам друг», – звенели детские голоса. Снимай, Геррон.

Глава совета старейшин Пауль Эпштейн, недавно заступивший на свой пост вместо Якуба Эдельштейна (расстрелян), вызубрив специально написанную для него речь, восхвалял гестаповцев за заботу о евреях. Снимай, Геррон.

Все в том фильме выглядит безупречно: постановка сцен, операторская работа, монтаж, звук, свет.

Вот почему я надолго замер у экрана в Магдебургских казармах, это был действительно необыкновенный фильм.

Работа над ним была закончена 11 сентября 1944 года. Сразу вслед за этим десять транспортов отправились в Освенцим – со всеми главными актерами и массовой. Всего семнадцать тысяч человек.

Некоторых, в том числе главу совета старейшин Эпштейна, уничтожили прямо здесь, в Малой крепости.